

Сирени

АРТЕФАКТ
ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

СИрения - Артефакт времени и пространства

<https://litres.ru/74205658>

Аннотация

Я должна была умереть. Но судьба приготовила мне другой путь — меня спасли те, кого на Земле называли бы пришельцами. Они не просто исцелили моё тело, а превратили его в ключ — в живой артефакт, способный открывать врата времени. Теперь за мной охотится фанатик, мечтающий переписать прошлое и стать богом в новом будущем. Чтобы доставить меня ему, наняты контрабандисты — двое мужчин, в чьих глазах я увидела не только жажду наживы, но и боль, тоску и искру чего-то настоящего. А потом появился он — командор, чей холодный взгляд скрывал бурю, которую я ощутила. Мне предстоит опасное путешествие по другим планетам, где я стану разменной монетой в чужих играх. Но разве я могу остаться просто добычей, когда в моих руках — сила, способная изменить всё? И кем стану я для этих троих, готовых ради меня на подвиг?

В КНИГЕ НЕТ УПОМИНАНИЙ О НАРКОТИЧЕСКИХ И ЗАПРЕЩЕННЫХ ВЕЩЕСТВАХ!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	53
Глава 7	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Пролог

Ася

Мое имя - Ася. Почему мои родители остановились именно на нем? Я не знаю. Мама как-то обмолвилась, что это была идея бабушки, известной своей слабостью ко всему необычному. Что ж, пусть. Мне всегда нравилась эта мягкая, почти интимная краткость - Ася. Оно было моим, родным, пока однажды не стало именем призрака из другого мира.

Тот день должен был стать одним из самых счастливых - мое восемнадцатилетие. Я сидела на заднем сиденье родительского автомобиля, мы ехали в ресторан. За окном плыл серый городской пейзаж, размытый дождем и наступающими сумерками. Я помню, как смеялась чему-то, глядя в запотевшее стекло, и пальцем выводила замысловатый узор, который тут же расплывался в мокром пятне. В машине пахло кожей салона и мамиными духами - сладковатыми, с ноткой грейпфрута. А потом - оглушительный грохот, будто мир разорвали надвое. В нас врезался грузовик. Сталь скрипела и сминалась, как бумага, затягивая в свои тиски все, что было моей жизнью. Я оказалась зажатой в ловушке из искореженного пластика и теплых тел, и лишь это чудовищное стечение обстоятельств - то, что я оказалась между сиденьями, согнувшись за секунду до удара, чтобы поднять упавшую сумку, - спасло меня от мгновенной гибели. Спасатели, их

лица были искажены гримасой напряжения и ужаса, с трудом вытащили меня из этого ада. Их голоса доносились сквозь вой сирен и треск ломаемого металла, словно из-под толстого слоя воды. Но я была уже не я - просто окровавленный кусок плоти, в котором пульсировала одна лишь боль. Позже я узнала, что в той аварии не выжил никто. Никто, кроме меня.

В больнице суровый врач, от которого пахло антисептиком и холодным равнодушием, молча изучил снимки. Его пальцы, длинные и костлявые, отбрасывали дрожащие тени на светящийся экран, где были видны темные пятна внутренних кровотечений. Его взгляд был красноречивее любых слов. «В реанимацию, - коротко бросил он, - готовьте к операции. Множественные внутренние разрывы». Мне вкололи что-то, ввели капельницу, и мир поплыл, краски расплылись в грязные разводы, а звуки наложились друг на друга, превратившись в монотонный гул. Перед утренней операцией, сквозь наркотический туман, я услышала его приглушенный шепот, обращенный к медсестре: «Шансов нет. Вряд ли дотянет до утра». Он не думал, что я услышу - но с рождения мой слух был нечеловечески острым, проклятием или даром, позволявшим различать шаги отца на лестнице за три пролета или тихий спор родителей за стеной.

И он оказался прав. Та ночь стала бесконечной пыткой. Тело, мое предавшее тело, разрывалось изнутри, будто невидимые крюки раскалывали кости и рвали связки. Боль бы-

ла живым, дышащим существом, которое пожирало меня по кусочкам, оставляя лишь оголенные нервы и леденящий ужас. Лекарства не помогали, они лишь слегка сбивали остроту, чтобы я могла в полной мере прочувствовать всю глубину агонии, каждый новый виток этого маятника, раскачивающегося между жизнью и смертью. Прибежавшая на мой стон медсестра с усталым лицом, в глазах которой читалась бесконечная усталость от чужих страданий, сделала очередной, отчаянный укол - лошадиную дозу снотворного, после которого уже не просыпаются. И я провалилась в тяжелый, неестественный сон, где не было ни сновидений, ни света, лишь плотная, удушающая вата небытия.

Меня разбудил свет. Не резкий больничный, а мягкий, бархатный, синий луч, что проник в палату через единственное окно, будто пробившись сквозь самую гущу ночи. Он был осязаем, как шелк, и пах... пах Новым годом. Той волшебной смесью хвои, мандаринов и морозной свежести, от которой щемит сердце и сжимается горло от забытого детского восторга. В его сиянии стояли двое. Высокие, почти до потолка, фигуры в струящихся белоснежных одеждах, что колыхались в невесомости, словно от незримого дуновения. «Галлюцинация», - прошептала я про себя сухими, потрескавшимися губами, пытаюсь убедить себя в этом.

Но тут в моей голове, минуя уши, зазвучали голоса. Чистые, как горный хрусталь, и такие же холодные и отточенные.

- Она умирает, - произнес один. Его мысленный голос был низким и безжалостно точным, без единой нотки сопереживания.

- Да, я вижу, - последовал ответ. Второй голос звучал мягче, в нем слышалось что-то вроде сожаления, легкая тень печали, окрашивающая мысленные слова.

- Идеально для нас, - заметил первый, и в его «голосе» мелькнула искра делового интереса.

- И для нее, - мысленно парировал второй. - Дадим бедняжке шанс. Ей ведь так мало было отмерено.

- О, Ася... - прошептала я, чувствуя, как по щеке скатывается слеза, теплая капля на ледяную кожу. - Звуковые галлюцинации? Или... вы Ангелы? Пришли по мою душу? Уже пора?

Один из них, тот, что помягче, мысленно улыбнулся, я это почувствовала - теплое, беззвучное излучение доброты, коснувшееся моего сознания.

- Вообще-то мы не ангелы... - начал он, но его спутник резко остановил его, и я уловила легкое раздражение, промелькнувшее между ними, словно тихая молния.

- Мы сейчас заберем тебя, - прозвучал в моей голове мягкий, но властный голос первого. - Не бойся. Тебе будет хорошо. Там, куда мы идем, нет боли.

И странное дело - я и правда не боялась. Сквозь пелену боли и лекарств пробилось чувство невероятного облегчения, будто с моих плеч свалилась гиря, которую я тащила

всю свою жизнь. Смерть, приходившая в облике этих сияющих существ, казалась не концом, а освобождением, долгожданным ответом на невысказанный вопрос.

- Я ничего не боюсь, - слабо улыбнулась я, ощущая, как последние силы покидают меня, уступая место нарастающему, ласковому покою. - Я готова.

И тогда меня подхватила невиданная сила. Не грубая, а нежная и всеобъемлющая, как объятия. Она закрутила меня в теплом, сияющем водовороте, смывая всю боль, все воспоминания, все страхи, как река смывает пыль с листа. Я поднималась по этому синему, ароматному лучу, а две высокие фигуры парили рядом, их одежды струились, сливаясь со светом. Последнее, что я помню, - это их руки, легкие, как прикосновение перышка, на моей израненной коже, и этот миг был полнее и реальнее, чем вся моя предыдущая жизнь. А потом наступила темнота. Но впервые за всю ту ночь - темнота без боли.

Глава 1

Ася

Первым пришло ощущение холода. Пронизывающего, костного, будто я лежала на льду, и этот лед просачивался внутрь, замедляя ток крови, кристаллизуя мысли. Я инстинктивно попыталась сжаться в комок, чтобы согреться, но мои пятки уперлись во что-то твердое и неподатливое, гладкое и холодное, как отполированный металл. И сквозь этот ледяной оцепенение, сквозь одеяние анабиоза, я почувствовала их - чьи-то широкие, шершавые и обжигающе горячие ладони. Они скользили по моим бедрам, животу, ища и находя выпуклости моих косточек, а затем поднялись выше, чтобы сомкнуться на моей груди. Тепло от них растекалось по коже, заставляя кровь стынуть в жилах и тут же пульсировать в висках, выбивая ритм пробуждения - тяжелый и тревожный.

- Арнольд, что ты творишь? Совсем рехнулся? Архиепископ сожжет нас за порчу собственности! - послышался где-то рядом раздраженный, низкий голос, в котором звучала не только злость, но и оттенок опасения.

- Луар, ты только потрогай... Она вся такая... шелковая. Холодная и гладкая, как мрамор. Я ничего плохого, я просто... - второй голос, хриплый и захлебывающийся, был полон подобоострастного восторга.

Пальцы сжали мои соски, и из моих губ вырвался тихий, произвольный стон. Не столько от боли, сколько от шока - это было первое живое ощущение после долгой тьмы, первый островок реальности в океане небытия. Мне захотелось потянуться, выпрямить затекшие, одеревеневшие мышцы, но тело не слушалось, было чужим, тяжелым и непослушным грузом. Сознание плыло в густом, ватном тумане, сквозь который пробивались лишь обрывочные ощущения.

- Арн, что ты делаешь! - прошипел тот, кого называли Луаром, и в его шипении слышалось предостережение, словно он говорил с диким зверем.

- Я лишь на секунду... совсем чуть-чуть... - голос Арнольда звучал хрипло, с ноткой мольбы, с отчаянием голодного человека, увидевшего пищу.

Послышался резкий, грубый звук расстегиваемой молнии. Пахнувший от него теплый воздух пах кожей и потом, мужским запахом, грубым и земным. И тут же на меня обрушилась тяжесть - живая, дышащая, мужская. Я снова застыла, и веки сами собой распахнулись, будто их подняла чья-то невидимая рука. Я утонула в сиянии двух золотисто-медовых глаз, висевших прямо над моим лицом. В них плясали озорные, голодные искры, и в их глубине таилась буря неутоленных желаний.

- Прости, крошка, - выдохнул он, и его дыхание, пахшее чем-то терпким и пряным, обожгло мою щеку. - Я не сделаю

ничего плохого. Просто... дай мне почувствовать, что я живой. Хотя пару минут.

Его ладонь снова скользнула по моему боку, и кожа под ней вспыхивала крошечными звездочками мурашек, каждая пора кричала от прикосновения, забытого и нового. Каждое прикосновение было грубым, но на удивление точным, будто он читал карту моего тела, еще не известную мне самой, водил по ней пальцами, выискивая тайные тропы.

- Арнольд! Кончай этот цирк! Немедленно вылезай! - голос Луара прозвучал как удар бича, холодный и безжалостный, не терпящий возражений.

- Сейчас! Сейчас! - заторопился Арнольд, судорожно и громко вдохнув воздух у моего уха, заставляя меня содрогнуться. - Еще мгновение...

Я почувствовала, как по моему животу заелозило что-то твердое, упругое и настойчивое, упираясь прямо в лоно сквозь тонкую ткань, настойчиво и требовательно. Мужчина прикусил мою мочку, и острая, сладкая боль пронзила меня до самого копчика, отозвавшись эхом в онемевшем теле. Он засопел, горячо и прерывисто, его ладони сжали мои груди, сминая их с животной силой, и в этом была не только похоть, но и отчаянная, одинокая ярость.

- Отпустите... - это был не голос, а хриплый выдох. Горло пересохло настолько, что каждое слово было похоже на трение наждачной бумаги, на разрыв ткани.

- Все, Арн! Хватит!

Давящая тяжесть внезапно исчезла. Силой мысли? Я не знала. Скосив глаза, я увидела, как высокий, почти призрачный мужчина с водопадом белых, как лунный свет, волос, и отдававшей в голубизну кожей, держал моего «насильника» в воздухе, вцепившись ему в комбинезон, и тряс его с нечеловеческой силой, а лицо его, идеально спокойное секунду назад, теперь искажала холодная ярость.

- Пить... - снова просипела я, чувствуя, как трескаются губы, и каждый сдвиг кожи приносил новую боль.

- Девушке и так не сладко, а ты вздумал удовлетворять свои первобытные инстинкты! - его синие, как ледники, глаза метали молнии, а голос резал воздух, как сталь.

- Я пять месяцев не видел ничего женственнее астероида! - взревел Арнольд, вырываясь. - Тебе-то легко! Ты же зувуар, хладнокровный! А мы, люди, не можем так! Нам нужна близость, тепло! - Он грубо натянул свой комбинезон. - Я бы ничего не испортил! Кончил бы между этих прекрасных холмиков и успокоился!

Я наконец смогла пошевелиться и с наслаждением согнула ноги в коленях, почувствовав, как тянутся затекшие мышцы. Но с уходом его тепла холод вернулся с удвоенной силой, и я задрожала, как в лихорадке, зубы выбивали дробь, а по коже побежали мурашки.

- Нахал, - холодно заметил Луар. - Ей нужна вода и тепло. А насчет хладнокровности... ты сильно заблуждаешься. Температура моего тела всего на несколько градусов ниже

твоей. Зувуары... ничем не уступают людям в страсти. Ну, почти ничем, - уточнил он, и в его голосе прозвучала опасная, хищная нотка, обещающая нечто большее, чем простая ярость.

Темноволосый натягивал комбинезон, и ткань обтягивала каждый бугорок его рельефной мускулатуры, подчеркивая мощь его тела. Его черные, как смоль, волосы рассыпались по плечам, словно крылья ворона. Со злым щелчком он застегнул молнию. Поднял на меня взгляд и поймал мое внимание, и в его медовых глазах снова заплясали чертики.

- Ну, привет, красотка, - он подмигнул, и на его лице снова появилась бесстыдная ухмылка, сметающая всю серьезность произошедшего. - Меня зовут Арнольд. А тебя?

И тут я попыталась найти ответ и наткнулась на пустоту. Абсолютную, бездонную, зияющую. Я не помнила не только своего имени. Я не помнила ничего. Ни лица, ни голоса, ни места - лишь белое, беззвучное пространство, где не было даже эха.

- Не знаю... - прошептала я, и от звука собственного голоса, хриплого и чужого, стало жутко, холодный ужас заполз внутрь, вытесняя остатки тепла.

Я огляделась. Мы были в круглой комнате со стенами цвета матового серебра, которые словно поглощали свет. Окон не было, лишь мягкий, рассеянный свет лился откуда-то сверху, не отбрасывая теней. Я ощутила легкую, почти при-

зрачную вибрацию, словно мы плыли на огромной волне, и этот ритм был единственным постоянным ощущением в этом странном месте.

- У нее от гистерии сознание еще не прояснилось, - резко сказал Луар. - Ей нужно прийти в себя, а ты со своими глупостями. Иди и принеси ей горячего чая. Мы сейчас подойдем.

- Ладно, ладно, - буркнул Арнольд и, бросив на меня последний, полный нескрываемого интереса взгляд, скрылся за дверным проемом, который бесшумно возник и исчез в стене.

- Меня зовут Луар, - сказал второй, и его голос снова стал мягким, бархатным, словно приглушенный удар по струне. Он протянул мне руку. - Выходи. Я найду тебе одежду.

Я опустила свою ладонь в его огромную, прохладную длань. Его пальцы сомкнулись вокруг моих с нежностью, которой я не ожидала, с почти что почтением. Стопы коснулись холодного пола, и ледок проник в подошвы, заставив снова содрогнуться.

- И правда, ничего не помнишь? - пробормотал он, все еще не отпуская мою руку, его пронзительный взгляд изучал мое лицо, выискивая тень воспоминания.

- Где мы? - спросила я, пытаюсь собрать разрозненные обрывки мыслей, сцепить их воедино.

- В космосе, - ответил он просто. - Где же еще?

Я встретила с его взглядом. Его синие глаза были не просто холодными - они были пронизывающими, видевшими насквозь, читавшими душу. Я лишь бессильно покачала головой, чувствуя, как нарастает паника.

Его взгляд скользнул вниз по моему телу, задержался на несколько секунд слишком долго на треугольнике между моих бедер, и он резко, почти по-юношески смутившись, отвел глаза и отпустил мою руку, будто обжегшись.

- Надень это, - он открыл почти невидимые панели в стене и достал оттуда комбинезон. - Он примет твою форму.

Я сделала шаг, потом второй. Но ноги были ватными, подкашивались, отказываясь служить. Мир накренился, поплыл, я потеряла равновесие и с размаху ударилась бедром о холодный, острый край того самого металлического саркофага, в котором лежала. Боль, острая и живая, пронзила все тело.

- Ай! - резкий, животный звук вырвался из меня вместе с волной тошнотворной боли. В глазах потемнело, комната поплыла в черных и красных пятнах.

Но я не упала. В следующее мгновение я оказалась в его объятиях. Он подхватил меня с молниеносной, звериной реакцией, его руки обвили меня, сильные и надежные.

- Ну что же ты, - его голос прозвучал прямо у моего уха, и в нем не было гнева, только тревога, искренняя и глубокая. - Нужно быть осторожней!

Он прижал меня к своей груди, и я уткнулась лицом в

упругие мускулы. Его тело было прохладным, но не холодным, а таким... освежающим, как глоток воды в зной. И тогда он пахнул на меня - ароматом морозного утра, хвойного леса и чего-то дикого, неизвестного, древнего, как само время. Этот запах ворвался в меня, как ключ в замок, повернулся и щелкнул, открывая потаенные двери.

И я все вспомнила. Все. Не как набор фактов, а как взрыв - яркий, болезненный, оглушительный. Автомобиль. Боль. Синий луч. И их голоса в голове: «Она умирает... Дадим бедняжке шанс».

Я вспомнила все.

Глава 2

Луар

Я нес ее на руках, и внутри у меня застыло странное, непривычное чувство. Оно было тяжелым и теплым, как галька, пролежавшая на солнце. Ее дыхание было теплым у моей щеки, а руки, обхватившие мою шею, - удивительно мягкими, и в их слабом усилии читалось безоговорочное, животное доверие. Такой близости с человеком я никогда не знал. От ее кожи исходил сладковатый запах, напоминающий ваниль и парное молоко - простой и в то же время пьянящий аромат жизни, так непохожий на стерильную атмосферу корабля или терпкий запах пота после стычек с патрулями.

- Эй, - тихо сказал я, и мой голос прозвучал непривычно глухо в тишине коридора, ведущего от капсулы гибернации к жилому отсеку. - Ты в сознании?

- Угу, - пробормотала она, не поднимая головы, ее волосы скользнули по моей коже, как шелк. - Так ты все-таки ангел?

- Ангел? - я на мгновение задумался, и в памяти всплыли образы фресок с родной планеты, изображавших крылатых существ из древних человеческих легенд, которые отец показывал мне в качестве примера примитивного фольклора. - Нет. Моя раса - зувуары. Как-нибудь расскажу о нас, если будет время.

- А куда вы меня везете? - спросила она, и в ее голосе про-

звучала тревога, тонкая, как стеклянная нить, готовая лопнуть.

- В одно место, - уклончиво ответил я, прижимая ее чуть крепче, и чувство вины, острое и холодное, кольнуло меня под ребра, заставив на мгновение замедлить шаг. - Очень важное место.

Мы должны были отдать ее архиепископу. Таковы были условия договора. Мы всегда выполняли условия, даже став контрабандистами. В этом был наш принцип, наш единственный незыблемый закон в хаотичном мире, который мы для себя выбрали. Слово, раз данное, должно было быть выполнено, иначе все это бегство по окраинам галактики теряло всякий смысл и превращалось в простое животное выживание.

Когда-то все было проще. Мы с Арнольдом были обычными перевозчиками. Загружались на одной планете, разгружались на другой. Заработок нас устраивал, риски были минимальными. Но потом галактика раскололась, не из-за войны, а из-за идеологии, и эта трещина прошла через все миры, через все жизни.

Сформировалась Федерация - альянс передовых планетарных систем, управляемый Советом. Их власть признали не все. Их порядок, их регламенты, их бесчисленные протоколы и предписания на каждое действие, от стыковки в порту до утилизации мусора, были удобны для одних и невыносимы для других. Нашлась сила, способная бросить вызов, -

Архиепископ. Пожилой мужчина, чье влияние было огромным в мирах, еще не вышедших из варварства, на планетах, где технологии соседствовали с суевериями, а люди жаждали чуда. Он проповедовал идею вечной жизни для своих адептов, утверждал, что сам живет веками, и проводил темные ритуалы, основанные на сексуальной магии, на энергии, которую он, по его словам, черпал у своих последовательниц. И ему верили. Слишком многим хотелось верить.

Архиепископ поднял мятеж и не признал власть Федерации. Совет, не желая крупномасштабной войны, которая могла бы разрушить хрупкие экономические связи, уступил ему горсть самых бесперспективных планет, выжженных пустошей и ледяных шаров, и наложил эмбарго на поставки продовольствия, рассчитывая, что бунтовщики вымрут от голода, как крысы в запертом трюме. Именно тогда «святой отец» и обратился к таким, как мы. К тем, кого Федерация вытолкнула за борт, к тем, кто умел ходить по краю.

А мы... мы оказались в нужное время в ненужном месте. Нас поймали федеральные патрули на нейтральной станции «Орион-7», куда мы зашли для мелкого ремонта. Выслали с подконтрольных территорий по надуманному обвинению в транспортировке несертифицированных биоматериалов - а это была всего лишь партия генномодифицированных орхидей для богатого коллекционера. Мы могли бы попытаться вернуть статус, пройти через унижительные проверки и бес-

конечные суды, но нас претили их строгие рамки, их диктатура правил, их взгляд свысока на всех, кто не вписывался в их идеальную схему. Так мы выбрали свободу, пусть и грязную, и стали контрабандистами.

Наш корабль, старый, но надежный «Звездный Скиталец», стал нашим единственным домом.

Была и третья сила - мои соплеменники-зувуары, древнейшая раса в известной вселенной. Они хранили нейтралитет, занимая отдаленные, богатые ресурсами, но не представлявшие стратегического интереса для других рас, планеты. Их существование - это спокойствие и созерцание, тысячелетние медитации и изучение фундаментальных законов мироздания. Они - хранители артефактов невообразимой силы, кристаллов, способных накапливать и трансформировать энергию, древних текстов, содержащих знания, способные перевернуть реальность, местоположение которых тщательно скрывалось. Мне же на родной планете, было невыносимо скучно. Я был другим - беспокойным, жаждущим действия, новых лиц, новых миров. Отец, мудрый и ироничный старейшина, в шутку говаривал, что мать «подгуляла» с кем-то из гуманоидов, иначе откуда во мне эта неугомонность, эта неспособность часами сидеть в позе созерцания, впитывая энергию звезд? Мать, конечно, всячески отрицала, но иногда я ловил на себе ее задумчивый, слегка тревожный взгляд. Когда я вырос, меня отпустили без особых сожалений - в семье и без меня хватало детей с подобающим зуву-

ару спокойным, флегматичным темпераментом.

Вскоре, на задворках космопорта «Вертукас-5», я встретил Арнольда. Человека. Веселого, безрассудного, обожающего риск и крепкий алкоголь. Он втягивал меня в авантюры, одна безумнее другой: то мы перевозили партию запрещенных синтетических роботов для утех под видом медицинских препаратов, то участвовали в подпольных гонках на стыковочных каперах. Теперь мы вместе уходили от федералов на нашем потрепанном «Скитальце», перевозя запрещенные грузы через не патрулируемые сектора. Мы избегали столкновений - вооружены были слабо, если не считать тяжелую лазерную пушку, снятую со списанного военного фрегата, которую использовали в основном для пробивания астероидных полей да для демонстрации «серьезных намерений» в переговорах с мелкими пиратами.

У Арнольда была одна, но пламенная страсть - женщины. Он не мог долго обходиться без их общества, и эта слабость не раз создавала нам проблемы, от побега с разъяренным мужем на хвосте до потери ценного контракта из-за романа с женой заказчика.

Именно она и привела нас к Архиепископу. Во время нашей единственной вылазки на его планету, под видом торговцев духовными артефактами, Арнольду «приспичило» пробраться в спальню к одной из его монахинь, молодой девушке с огромными, наивными глазами, которая привлекла его внимание во время экскурсии по монастырю. Я помогал

ему забраться наверх по древней, покрытой резьбой водосточной трубе, хоть и был против этой затеи, предчувствуя беду. О чем потом горько сожалел, стоя на коленях в зале для аудиенций. Девушка подняла крик, и нас схватила охрана - молчаливые гиганты в черных доспехах с символикой Архиепископа на плечах.

Нас бросили на колени перед священником. Его лицо было скрыто глубоким капюшоном, в глубине которого горели две красные точки, словно раскаленные угли.

- Кого я вижу! - раздался его глухой, будто из-под земли, голос, и этот звук заставил меня внутренне содрогнуться. - Неужели те самые знаменитые контрабандисты? Ваша слава, пусть и дурная, бежит впереди вас.

- Это мы, - гордо вскинул голову Арнольд, пытаясь сохранить остатки достоинства. - Что надо?

- Вы именно те, кто мне нужен! - священник потер руки в черных перчатках, и скрип кожи прозвучал зловеще. - Вы ведь не хотите, чтобы я отдал вас на растерзание своей пастве за попытку изнасилования? Или сообщил федералам, что поймал вас? Думаю, у них к вам тоже есть вопросы.

- Не хотелось бы, - сухо заметил я, бросая на друга укоризненный взгляд, полный немомго упрека. - Чем мы можем искупить свою... оплошность?

- Отпустите их, - скомандовал Архиепископ своей охране, и железная хватка на моих плечах ослабла. - Идите за мной.

Я расскажу, как можете загладить вину.

Мы поднялись и последовали за ним в кабинет, уставленный древними книгами в кожаных переплетах и странными устройствами, назначения которых я не понимал. Он указал на два кресла перед массивным столом из темного дерева. Затем сбросил плащ, и мы увидели худого пожилого мужчину с морщинистым, как печеное яблоко, лицом, большим крючковатым носом и маленькими, пронзительными глазами с красноватым отливом, в которых читался незамутненный, почти фанатичный ум.

- Мне нужно, чтобы вы доставили один груз, - без предисловий начал он, усаживаясь в свое кресло-трон. - Вы отправитесь к зувуарам.

- К моим соплеменникам? - удивился я, чувствуя, как в груди защемило от нехорошего предчувствия. - Что у них может быть для вас ценного?

- Это не ваша забота, - строго посмотрел на меня Архиепископ, и его глаза вспыхнули зловещим огоньком, заставив меня невольно отвести взгляд. - Ваша задача - доставить. Я даже заплачу за работу.

Он написал сумму на листке пергамента и протянул нам. Мы с Арнольдом переглянулись. Это было больше, чем мы зарабатывали за несколько месяцев рискованных рейсов.

- Мы согласны, - тут же оживился Арнольд, его глаза загорелись азартом. - Когда вылетать?

- Чем раньше, тем лучше. Вам обеспечат все необходимое и проводят к кораблю.

- В чем заключается риск? - уточнил я. Меня не оставляло неприятное, тягучее предчувствие, холодный ком в глубине живота. - За такие деньги всегда есть риск.

- Риска нет, - отрезал Архиепископ, и в его голосе прозвучала сталь. - Просто заберете и привезете.

- Тогда почему такая оплата? - не отступал я, чувствуя, что упускаю какую-то важную деталь.

- Это священная реликвия, - нехотя ответил он, и его пальцы нервно постучали по столу. - Она необходима мне для божественного таинства в день всех святых. С ней нужно обращаться крайне бережно. Мои люди уже работают над ее... изъятием. Скоро она будет у них, и они передадут ее вам.

- И что даст эта реликвия? Неужели вечную жизнь? - усмехнулся Арнольд, все еще не до конца понимая, во что мы ввязались.

Архиепископ улыбнулся тонкими, бледными губами, и в этой улыбке не было ни капли тепла.

- Кто знает? Возможно.

Через час наш корабль, загруженный припасами и с полными баками топлива, уже рассекал космическую пустоту, направляясь к планете моего народа, к дому, который я когда-то покинул. А я, глядя в черное бархатное полотно космоса, усеянное звездами, все не мог отделаться от навязчивого, гнетущего ощущения, что везу туда нечто куда более

страшное, чем просто груз, что я становлюсь курьером, доставляющим не реликвию, а неведомую беду прямо в сердце своего прошлого.

Глава 3

Арнольд

Ну да, я виноват! Не сдержался! Четыре месяца без женщин - это не шутки. Это пытка, от которой мозги плавятся, а в крови стучит только один примитивный ритм. А эта монашка... ее грудь так покачивалась под грубым платьем, будто наливалась спелым плодом, обещая сладкий сок. Каждый ее шаг был немым приглашением, от которого у меня сводило живот. Как я мог пройти мимо? Откуда мне было знать, что она устроит истерику от одного моего появления, словно я не мужчина, а исчадие ада? Но, как говорится, нет худа без добра. Теперь за работу нам обещают сумму, ради которой не грех и рискнуть. Планета зувуаров - Герминия - говно редкостное, одни болота да туманы, которые впитываются в одежду и в душу. Солнца там не видели со дня основания, и от этого вечного полумрака начинаешь чувствовать себя плесенью. Но делать нечего - подхватим груз и свалим, желательно быстрее.

Луар сказал, что люди Архиепископа уже на месте. Нужно забрать какую-то древнюю реликвию. Интересно, зачем она этому старому извращенцу? То ли для очередного темного ритуала, то ли для пополнения своей коллекции странных безделушек. Но нам-то что? Мы вольные стрелки - сегодня здесь, завтра там. Наш закон - это договор, а наша вера - это

твердость валюты.

Мы частенько отсиживались на его территориях, когда федералы начинали слишком уж активно интересоваться нашим грузом, вынюхивая, как голодные псы. Может, стоило перейти на сторону Федерации? Получить их серенькую, но безопасную униформу и спать спокойно? Но зачем? Чтобы отдавать половину заработка на «благо общества», которое презирает таких, как я? Чтобы месяцами торчать в космосе без права на простые радости, без возможности зайти в бар и купить выпивку и женщину без их дурацких разрешительных запросов? А их дурацкие запреты! Разрешение на секс? Я что, должен писать заявление в три инстанции, чтобы переспать с женщиной, которая сама не прочь? Нет уж, лучше наше полудикое существование, где ты сам себе хозяин, а твоя жизнь стоит ровно столько, сколько патронов в обойме. Архиепископ, конечно, тоже сволочь, но платит исправно, и его правила просты и понятны: не лезь в его дела, выполняй приказ, получай деньги. Эмбарго, которое Федерация наложила на его системы, стало для нас золотой жилой. Пока они меряются принципами, мы катаем грузы и греем руки на их конфликте.

Найти бы какую-нибудь планету без хозяев, без этих вечных игр в политику, и устроить там свой маленький рай. Но все мало-мальски пригодные миры, где можно дышать полной грудью и не бояться, что с неба упадет метеорит с федеральной маркировкой, давно поделены. Ученые, конеч-

но, болтают про другие измерения, щелястые пространства и кротовые норы, но как туда добраться? Да и неизвестно, что там хуже: наши федералы или тамошние твари с щупальцами. Если федералы нас поймают - конец. Не тюрьма, нет. Отправят на урановые рудники Гамма-сети, где радиация за полгода сделает из тебя дряхлого старика, и мой член пригодится разве что для справления малой нужды. Прощай, сексуальная жизнь! Лучше уж смерть в перестрелке, чем такая медленная, унижительная кончина.

Полет до Герминии занял неделю. Три прыжка через гиперпространство вымотали не хуже, чем ночь с тремя стриптизершами на станции «Вихрь» - приятно, но наутро чувствуешь себя выжатым лимоном. Луар, мой друг-зувуар, сильный парень с этими своими длинными белыми волосами, которые никогда не путаются, даже после самых жестких перегрузок. Женщины от него без ума, тянутся к нему, как мотыльки к огню, да ему как-то пофиг. Его сородичи вообще странные - сидят по своим болотам, медитируют на туман, пытаюсь, по их словам, «услышать музыку сфер». Луар же - выродок в лучшем смысле слова. В нем нет этой зувуарской заторможенности. Он любит риск, азарт, вкус опасности, как и я. К бабам равнодушен, что мне только на руку - меньше конкурентов. Хотя те немногие женщины, кому довелось с ним провести ночь, потом неделю ходят с остекленевшими, блаженными глазами и ничего не могут внятно объяснить.

Говорят, природа наградила зувуаров не только выносли-

востью, но и кое-чем еще - большим достоинством. Жалко таких спокойных парней - ну какой в этом толк, если ты не пользуешься своим главным козырем? Хотя я и своим инструментом никогда не жаловался, и отбоя от поклонниц не было.

При подлете к Герминии Луар поймал слабый, зашифрованный сигнал. На планете, если верить картам, один огромный, болотистый материк и куча мелких, скалистых островков, торчащих из ядовитого океана. Нас ждали на одном из них, самом неприметном. Похоже, реликвия очень ценная, раз ее нельзя просто купить на открытом рынке, а нужно устраивать такой секретный спектакль.

Мы зависли в воздухе над указанными координатами, спустили трап. Садиться было некуда - сплошные острые скалы, о которые можно распороть брюхо кораблю. К нам уже бежали, спотыкаясь о камни, четверо в черных, промокших балахонах. Идиоты! Зувуары носят только белое, их одежды сливаются с туманом! Выделялись, как гов...о на снегу! Тащили на двух шестах большой, угловатый металлический ящик, явно предназначенный для гeбepнaции. Что за черт? Там что, живой груз? Живое существо, которое этот жрец решил заполучить? Что этот жрец задумал? Но разбираться, задавать лишние вопросы было некогда. Сектор считался патрулируемым, и каждая лишняя секунда могла стать последней. Мы затащили ящик на борт, ощутив его нема-

лый вес, и потащили к грузовому отсеку, оставляя за собой мокрые следы. Не в наших правилах задавать вопросы. Наш принцип - забрать, доставить, получить деньги.

Мы установили ящик в холодильной камере, подключили к нему датчики, и вышли, чтобы попрощаться с «посыльными» и поскорее уносить ноги. Но тут начался ад. Над островом, бесшумно выплыв из пелены тумана, появились две летающих тарелки - стандартный, элегантный транспорт зувуаров. На одной открылись светящиеся порты.

- Твою мать! - завопил один из монахов, и его голос сорвался в визг. - Лазеры! Заберите нас!»

- Тащите сюда! - крикнул я в ответ, понимая, что сейчас нас накроют вместе с ними.

- Прикрывай! - бросил мне Луар, и его лицо стало каменным. Он рванул к кабине, чтобы подготовить корабль к экстренному взлету.

Я кивнул, выхватывая бластер. Но было уже поздно. Из тарелки вырвался тонкий, кроваво-красный луч. Он накрыл всех четверых, и они застыли в нем, как мухи в янтаре.

- Быстрее! - заорал я, хотя уже ничего нельзя было изменить.

Вспышка-ослепительная, беззвучная - и от них ничего не осталось. Ни пыли, ни пара. Только легкий запах озона и опаленной скалы. Я втянул трап и захлопнул люк, сердце колотилось где-то в горле.

- Взлетай, Луар! Взлетай! - орал я, бегом направляясь к

кабине, поскользываясь на мокром полу. - Сейчас и нас поджарят!

Я успокоился, только когда мы вырвались за пределы атмосферы, и в иллюминаторе вместо серой хмари показалось черное бархатное пространство. Тарелки преследовали нас какое-то время, их сигарообразные силуэты виднелись на радарях, но против моего двигателя им было не попереть. Я собирал его несколько месяцев, выменивая и воруя списанные части от лучших моделей истребителей Федерации. В нашем деле скорость - все. Она важнее брони, важнее оружия.

- Вот и все, - мрачно сказал Луар, глядя на удаляющуюся планету.

Корабль тряхнуло, будто мы наехали на космическую кочку. Потом еще сильнее, и послышался скрежет по обшивке.

- Чертовы зууары! - выругался я, хватаясь за штурвал. - Неужели не отстают?

- Это не они, - холодно парировал Луар, не отрывая взгляда от сканеров. - Мы в поясе астероидов. Зууары отстали, как только мы вошли в эту зону. Их корабли не приспособлены для лабиринтов.

Еще один удар, более сильный, и где-то в глубине корабля тревожно замигал красный индикатор.

- Надо проверить груз, - сказал я, отстегивая ремни. - Мало ли что. Вдруг там монстр, и он сейчас вылезет? Или повредили ящик при погрузке?

- Иди, - кивнул Луар, переключая системы на ручное

управление. - Я выведу нас через пять минут. Постарайся не разбиться.

Я направился в грузовой отсек, придерживаясь за поручни, так как корабль снова затрясло. Ящик стоял нетронутый, его матовая металлическая поверхность отражала тусклый свет аварийных ламп. Меня распирало любопытство, жгучее и неудержимое. Что мы везем? Что стоит таких рисков?

- Только один взгляд, - прошептал я, ощупывая холодные защелки. - Ничего не случится. Я просто посмотрю.

Я потянул тяжелую крышку вверх - и обомлел. В ящике, на мягком ложе, окутанная легким паром криокамеры, лежала девушка неземной красоты. Ее кожа светилась фарфоровой белизной, темные ресницы, как бархатные бабочки, трепетали на щеках, а пухлые, влажные губы будто звали к поцелую. А то, что было ниже, - изящные изгибы, гладкая, упругая кожа - свело меня с ума.

- Мать твою... - выдохнул я, чувствуя, как набухает и твердеет в штанах, приливая кровью к одному-единственному месту. - Вот это реликвия!

Пять месяцев без секса. Пять! Я сходил с ума по утрам от воздержания, мечтая о простейшем женском прикосновении. А тут такое! Совершенство, сошедшее с древней фрески.

Я смотрел на ее идеальную, высокую грудь с темными, налитыми сосками, на плоский живот с аккуратным, впалым пупком, на гладкую, девственную кожу между бедер - и все

внутри закипело, помутнело. Я должен прикоснуться. Хоть раз. Один только раз.

Мои ладони, шершавые и грязные, легли на ее тело. Кожа - холодная и гладкая, как шелк, и от этого контраста по спине пробежали мурашки. Я сжал ее груди, ощутив их упругость, и по телу пробежала дрожь. Провел рукой ниже, скользнул пальцами к той самой запретной щели. Мне так хотелось проникнуть туда, найти тот чувствительный бугорок и ласкать его, пока она не затрепещет, не раздвинет ноги в немом согласии...

И в этот момент, от моего прикосновения, она вздрогнула всем телом и открыла глаза - темно-синие, бездонные, как само космическое пространство. Но тут, как тень, появился Луар, и его голос прозвучал, как удар хлыста.

- Арнольд, что ты творишь? Совсем рехнулся? Архиепископ сожжет нас за порчу собственности!

Я не мог остановиться. Мои пальцы все еще чувствовали шелк ее кожи. Какой Архиепископ? Какие деньги? Все это смешалось в один сплошной красный туман желания. К черту договор! К черту все! Я хочу ее!
 Дорогие читатели! Приветствую вас на страничках моей книги! Буду очень признательна, если вы подпишетесь на меня и поставите звездочку на книгу.

А еще приглашаю вас ознакомиться с моей другой книгой.
"Любовь сквозь звездную пыль"

https://litnet.com/shrt/B1_J

Глава 4

Ася

Я очнулась на жесткой поверхности. Надо мной склонились двое существ с сияющей голубоватой кожей и волосами белее свежего снега. Их глаза были ярко-синими, без зрачков, и светились мягким внутренним светом. Самое удивительное - я не чувствовала боли. Ни единой ноющей мышцы, ни воспоминаний об аварии.

- Я в Раю? - мой голос прозвучал хрипло, но четко.

Не знаю, сколько времени прошло. Я проснулась в мягкой, удивительно удобной кровати. Постельное белье пахло полевыми травами. Комната была маленькой, с одним задернутым белой шторой окном. Дико захотелось выглянуть наружу, увидеть этот новый мир. Ничего не болело. Я чувствовала себя... целой.

Я резко села и тут же рухнула обратно на подушки. Голова закружилась, в глазах поплыли темные пятна.

- Ох! - вырвалось у меня.

В комнату стремительно вошел один из моих «ангелов». В руке он держал чашку, из которой расплескалась жидкость.

- Куда это ты? - он подошел ко мне, его белые брови сдвинулись. - Тебе еще рано вставать!

Я послушно устроилась поудобнее. Он поправил на мне одеяло, прикрыв обнаженное тело, и протянул чашку.

- Выпей. Этот напиток восстановит твои силы. Уже завтра сможешь выйти.

Я сделала несколько глотков. Напиток был теплым, с терпким привкусом трав и гречишного меда. И тут же меня накрыла волна воспоминаний: бабушка в деревне, такое же питье в глиняной кружке... А следом - острая, режущая боль утраты. Родные... они остались там. Я увижу их когда-нибудь?

- Что с тобой? - его голос прозвучал участливо. - Я вижу печаль в твоих глазах.

- Я вспомнила свою семью, - глухо проговорила я, сдерживая подступающие слезы.

- Тебе придется с этим смириться, - печально произнес он.
- Но мы поможем тебе... облегчить боль воспоминаний.

- Я не хочу их забывать! - резко сказала я.

- Допей, - он мягко подтолкнул чашку к моим губам. - Я загрузил базовую информацию о нашем мире в твое подсознание. Она усвоится во сне. Проснешься полной сил и знаний. Тебе нужно еще несколько часов отдыха.

- Спасибо... ангел, - я допила напиток и отдала ему пустую чашку.

- Мы не ангелы. Наша раса - зувуары, - поправил он меня.
- Но ты скоро все узнаешь сама.

Как же он ошибался. Я проснулась от резких толчков - меня снова несли. Информация, обещанная зувуаром, еще не усвоилась, и я в панике не понимала, что происходит.

Несколько мужчин в черных балахонах несли меня по темному коридору.

- Эй! Кто вы? Куда? - вырвалось у меня.

- Заткнись! - кто-то грубо ткнул меня в бок. - Или хуже будет!

Я замолчала, не испытывая желания получить по голове. Мы выбежали из здания на улицу. Небо было затянуто свинцовыми тучами, в воздухе висела тяжелая, влажная мгла, пахнувшая гнилью и болотом. Дышать было трудно, тело мгновенно покрылось липкой испариной.

- Куда вы меня тащите? - прошептала я.

- Молчать! - последовал короткий приказ.

Они бежали быстро. Мы миновали поселение и углубились в лес из колючих, искривленных деревьев. Навстречу нам вышел еще один зууар. Теперь я знала, как называется их раса.

- Почему так долго? - прошипел он. - Меня могут хватить! Мне нельзя покидать пост!

- Теперь это не имеет значения, - холодно произнес один из моих похитителей.

Он быстрым движением достал из складок одежды что-то вроде пистолета и навел на зууара.

- Спасибо за помощь, - сказал он и нажал на спуск.

Тонкий синий луч рассек фигуру зууара пополам. Я вскрикнула от ужаса.

- Зачем?! - воскликнул другой носильщик.

- Лишние свидетели ни к чему, - отрезал убийца. - Хватит болтать. Надо спешить! Я должен доложить Архиепископу.

Мы снова побежали. Через час лес расступился, открыв круглое, покрытое ряской болотце. На его берегу стояло странное угловатое сооружение - их корабль.

- Тащите ее внутрь! - скомандовал тот, кто убил зувуара, явно главный.

Меня бросили в кресло. Я в изнеможении потеряла виски. Информация начала просачиваться в сознание обрывками. Я узнала их: гуманоиды с Визары, фанатики культа какого-то Архиепископа. Но зачем я им?

- А она ничего такая, - один из черноволосых похитителей бросил на меня оценивающий взгляд.

- Глаза закрой! - рявкнул на него главный. - Эта дичь предназначена нашему повелителю. Не смей даже смотреть.

- Так я просто... заметил, - съежился тот.

- Забудь, что заметил, - строго сказал главный.

Он порылся в отсеке и швырнул мне в лицо черный плащ.

- На, прикройся.

Главный отошел в сторону и начал тихий разговор с кем-то через экран. Я мельком увидела мужчину в капюшоне, услышала обрывки фраз и цифр.

- За нами уже вышли перевозчики, - сообщил он, разрывая связь. - Завтра двинемся к точке встречи. Две недели пути по океану. Лететь нельзя - сразу засекут.

- А с ней что делать? - кивнул другой в мою сторону.

- В гибернационную камеру, - отрезал главный. - Не будет путаться под ногами.

Меня снова схватили под руки. Вопреки моим мольбам и вопросам, они молча протащили меня по кораблю и опустили в холодный металлический ящик. К моим рукам и ногам подключили провода и трубки. Внутри начало подниматься уровень теплой, маслянистой жидкости.

- Вы что, утопить меня хотите?! - закричала я, пытаюсь вылезти.

- Лежи спокойно, дура! - один из них грубо вдавил меня обратно, схватив за волосы. - Сейчас уснешь!

Апатия накрыла внезапно. Я перестала сопротивляться. Нет смысла. Тело постепенно онемело, воздух закончился, и я снова погрузилась в небытие.

Возвращение в настоящее. Корабль контрабандистов.

Теперь я все вспомнила. И не только свою прошлую жизнь. Информация, вложенная звууарами, наконец, встала на свои места в моем сознании. Я понимала, кто эти двое - Арнольд и Луар, и что такое Герминия. Я знала о Федерации, о культе Архиепископа.

Но один вопрос оставался без ответа: зачем я ему? Зачем Архиепископу живой артефакт?

- Приблизительно, - ответил один из них. Его голос был похож на мелодичный перезвон хрусталя. - Ты в другом измерении.

- Другом? - я с трудом понимала. - Значит, смерть - это

портал в параллельный мир?

- Мы не знаем, как устроен переход для всех представителей твоего вида, - сказал второй. Его интонации были чуть мягче. - Но тебе повезло. Провидение избрало тебя стать носителем артефакта.

- Я ничего не понимаю, - нахмурилась я, чувствуя, как в висках начинает стучать тревога. - Какого артефакта? И что значит «носитель»?

- Речь идет об артефакте, вмещающем силы времени и пространства, - уточнил первый. - Он будет помещен в тебя, чтобы обрести надежную защиту.

- А что в нем плохого? Разве им нельзя пользоваться?

- Если помыслы чисты - он бесполезен, как камень, - ответил второй. - Но в руках того, кто одержим жадной власти, он способен превратить всю вселенную в хаос.

- Время - не прямая линия, - пояснил первый. - Оно существует одновременно во всех точках. Изменишь что-то в одном месте - и последствия отразятся в истоках мироздания, как круги по воде.

- Поэтому мы не используем артефакты, а прячем их, - продолжил второй. - Обезвреживаем, заключая в живые сосуды.

- А я... я и есть этот «сосуд»? - до меня начало доходить. - Вы вставите его в меня и... отправите домой?

- Нет, - покачал головой первый. - Ты станешь этим артефактом. Единым целым.

- Это как? - по спине пробежал холодок.

- Мы имплантируем ядро артефакта в твой мозг, - спокойно ответил второй. - Оно перестроит твою нейронную сеть и сольется с тобой.

- Это... больно? - сглотнула я. - И что со мной будет потом?

- Ты останешься с нами, под нашей защитой, - улыбнулся первый, и его лицо озарилось добротой. - И будешь ни в чем не нуждаться.

- Более того, ты станешь идеальной версией себя, - добавил второй. - Артефакт исправит все несовершенства твоего тела, подарит невероятно долгую жизнь и иммунитет к любым болезням.

- Понятно, - кивнула я, пытаюсь осмыслить это. - А почему вы сами не станете носителями?

- Наша биологическая структура несовместима, - пояснил первый. - Любая попытка внедрения приведет к мгновенному распаду.

- Мы потратили века в медитациях, сканируя измерения в поисках подходящего носителя, - сказал второй.

- И нашли тебя, - снова улыбнулся первый. - Мы восстановили твое тело из того, что от него осталось. Теперь оно готово.

- Вы уверены? - голос мой дрогнул. - Меня... не разорвет?

- Абсолютно уверены, - хором кивнули оба.

- Ты уснешь, и ничего не почувствуешь, - заверил первый.

- А когда проснешься, мы расскажем тебе все о нашем

мире, - с теплотой проговорил второй.

- Тебе здесь понравится, - добавил первый. - Царит покой. Все будет хорошо.

С этими словами он прикоснулся к моей переносице чем-то холодным и металлическим.

- Что это? - я попыталась скосить глаза.

- Через назальные пазухи мы введем тебе седативное средство, - пояснил он. - Ты уснешь, а когда проснешься, все будет уже позади.

- Расслабься, - произнес второй. - Мы не причиним тебе боли.

Я зажмурилась. Страх сдавил горло, но я понимала - сопротивляться бессмысленно. В носу защекотало. Я изо всех сил старалась не чихнуть.

- Досчитай до трех, - мягко сказал первый.

- Раз... два... тр... - и я провалилась в бездну.

Глава 5

Луар

Я шел по коридору к столовой, и ее запах сводил меня с ума. Он был густым и теплым, как мед, и врезался в обоняние, перекрывая привычные ароматы металла, озона и переработанного воздуха. Сладкий, теплый, абсолютно человеческий аромат, который будто запускал какие-то древние инстинкты, дремавшие во мне с момента ухода с родной планеты. Одна моя рука лежала на ее талии, чувствуя податливую мягкость, а другая поддерживала под бедрами, и пальцы непроизвольно впивались в упругую плоть, словно боясь упустить это хрупкое тепло. Что со мной происходит? Неужели я, Луар, для которого контроль над эмоциями был основой существования, опускаюсь до уровня Арнольда, этого ведомого своими позывами примата? Или это она, эта девушка, так на меня действует, каким-то необъяснимым образом обходя все мои ментальные защиты? А ее дыхание... тихое, ровное, прямо у моего уха, заставляло кровь бежать быстрее, нарушая мой привычный, замедленный ритм. Мне вдруг дико захотелось, чтобы это дыхание участилось, чтобы оно стало прерывистым и горячим. Мне захотелось прикоснуться губами к ее шее, почувствовать пульс на ее коже, узнать его ритм.

Я остановился и слегка отклонился, чтобы взглянуть на

нее, чтобы отыскать в ее чертах разгадку этого странного смятения. И сразу утонул в бездонных серых глазах, в которых, казалось, плавали целые туманности. Она нахмурила брови, и на ее лбу легла тонкая морщинка.

-Что-то не так? - спросила она. Голос был чистым, звонким, без тени хрипоты после гибернации, и этот звук отозвался во мне странной вибрацией.

-Нет, - ответил я, с трудом возвращаясь к реальности, к холодным стенам корабельного коридора. - Ты не назвала своего имени. Или все еще не помнишь?

-Помню, - она покачала головой, и прядь золотистых волос упала на щеку, и мне страстно захотелось откинуть ее назад. - Меня зовут Ася. И я не отсюда. Меня... перенесли в ваш мир зувуары.

-Ася... - мысленно повторил я, пробуя это имя на вкус. Оно звучало просто и в то же время загадочно, как и она сама, короткое и какое-то округлое. - А мои соплеменники сказали, зачем? Что им понадобилось в девушке из другого мира?

-Да, - ее взгляд стал серьезным, вдумчивым. - Они превратили меня в живой артефакт.

Это заявление заставило меня насторожиться. В уме сразу же начали складываться обрывки знаний о древних практиках моего народа, о ритуалах, связанных с переносом сущностей и запечатлением энергий.

-Интересно, - сказал я, чувствуя, как в голове складыва-

ются кусочки пазла, но полной картины все еще не возникает. - И какой именно? Что ты хранишь?

-Они говорили что-то о времени и пространстве, - она пожала плечами, и это движение заставило мою руку на ее талии произвольно сжаться, сильнее прижимая ее к себе. - Честно говоря, я была не в себе тогда. Все произошло слишком быстро. И я не чувствую в себе никаких изменений. Я все та же Ася.

-И правда, что ты к ней пристал? - из столовой появился Арнольд, и в его голосе звучала притворная обида. - Ей по-есть надо, прийти в себя. Меня ругал, а сам?

-Прости, Ася, - я почувствовал, как по коже, обычно прохладной, ползет непривычный, жгучий румянец. - Действительно, я веду себя неподобающе. У нас впереди неделя пути, успеем обо всем поговорить.

Я внес ее в столовую и поставил на пол, ощутив странную пустоту в руках, будто я лишился части собственного тепла. Выданный мной комбинезон идеально облегал ее тело, подчеркивая каждую линию, каждую округлость, и ткань казалась живой, вторившей каждому ее изгибу. В разрез на груди виднелась тень между грудями, глубокая и манящая, и этот вид гипнотизировал, заставляя забыть обо всем на свете. Мы оба, словно замороженные, смотрели на нее, на эту картину пробуждающейся женственности. Первым очнулся я, силой воли оторвав взгляд от ее груди.

-Арнольд, чего встал? - мой голос прозвучал резче, чем

я планировал, срываясь на низкие, почти рычащие ноты. - Неси еду!

Арнольд сглотнул, провел рукой по лицу, смахивая невидимую пыль, и кивнул, его глаза все еще были прикованы к Асе.

-Уже бегу. Ты успел узнать имя нашей гостьи?

-Меня зовут Ася, - опередила меня она, и ее улыбка, обращенная к Арнольду, вызвала у меня внезапный, ничем не обоснованный укол ревности.

-Присаживайся, Ася, - Арнольд отодвинул стул с таким видом, будто это был трон. - Надеюсь, полет на нашем корабле тебя не разочарует.

Она села, и движение было плавным и грациозным, несмотря на недавнюю слабость. Арнольд, проходя мимо, наклонился и шепнул мне на ухо, его дыхание было горячим и назойливым:

-А я смотрю, тебя тоже на нее потянуло. Не такой уж ты и бесчувственный, а?

-Не неси чепухи, - буркнул я, отходя к столу и стараясь скрыть смущение, которое, к моему ужасу, снова окрасило мои скулы. - Проявляю элементарную заботу о пассажире.

Мне пришлось сесть напротив, чтобы скрыть свое состояние, чтобы скрыть напряжение, сковавшее все мое тело. Хотя все во мне рвалось оказаться рядом, чувствовать исходящее от нее тепло и этот сводящий с ума запах. Арнольд поставил перед Асей несколько тарелок с сублимированным

концентратом, который после добавления воды превратился в нечто, отдаленно напоминающее еду. Она с любопытством разглядывала содержимое, слегка наклонив голову.

-А что это? - ткнула ложкой в одну из порций, и кусок желтоватой массы качнулся.

Арнольд наклонился так близко, что его волосы почти коснулись ее плеча.

-Пюре из овощей с птицей, - сказал он, оценивающе приносясь, как шеф-повар, оценивающий свое блюдо. - Фирменное блюдо.

-А почему оно выглядит так... неестественно? - ее нос сморщился.

-Мы месяцами можем быть в пути, - пояснил я, перехватывая инициативу. - Свежая пища не хранится. Используем сублиматы. Воду убирают, остаются питательные вещества. Но не волнуйся, они вполне съедобны и содержат все необходимое для поддержания жизненных функций.

-Ну что ж, - она отправила ложку в рот и прожевала, ее лицо выражало сосредоточенную задумчивость. - Сойдет. Не шедевр, но есть можно. Напоминает картон с приправами.

- Как только представится возможность, я найду тебе настоящей еды, - пообещал Арнольд, расправив плечи. - Сочные фрукты, свежее мясо...

Его слова вызвали у меня раздражение, острое и едкое. Зачем давать пустые обещания, рисовать несбыточные картины? Мы везем ценный груз Архиепископу. Ее придется

отдать. Эта мысль, холодная и неумолимая, вызвала у меня странный, почти болезненный протест, как будто кто-то пытался отнять что-то мое. Зачем этому старому фанатику Ася? Что он, погрязший в своих извращенных ритуалах, может сделать с этим живым, хрупким существом? Кроме самого очевидного, похабного и грязного, на ум ничего не приходило. Мысль о том, что его костлявые, старческие руки могут прикоснуться к этой коже, могут осквернить это совершенство, вызвала у меня внезапный, яростный гнев, белого и холодного, как лед в сердце кометы.

Я принялся за еду, стараясь заглушить эти чувства, впиваясь взглядом в безвкусную массу в тарелке, словно она могла дать ответы.

-А у вас здесь можно помыться? - отодвигая полупустую тарелку, спросила Ася, и в ее голосе слышалась усталость.

-Есть душ, - ответил я, поднимая на нее взгляд. - Но сначала допей укрепляющий чай. После гibernации это необходимо для стабилизации метаболизма. Или мне придется тебя сопровождать, чтобы ты не упала в обморок прямо под струями воды.

-Нет уж, - ее щеки покрыл легкий, прелестный румянец. - Я сама прекрасно справлюсь. Давайте ваш чай.

-Чай у нас самый настоящий, - заверил я, наливая ей густую ароматную жидкость из термоса. - Выменял его в прошлой вылазке на одной из нейтральных станций. Там его выращивают в гидропонных оранжереях.

-Кстати, а чем вы занимаетесь? - спросила Ася, согревая ладони о кружку. - Кроме как спасают девушек из параллельных миров?

Мы с Арнольдом переглянулись. Не время и не место раскрывать все карты, пугать ее нашим настоящим ремеслом.

-Мы перевозчики, - быстро нашелся Арнольд, делая беззаботное лицо. - Доставляем грузы между системами. Иногда живые, иногда не очень.

-А я... я ваш груз? - ее взгляд стал изучающим, проницательным, и под этим взглядом я почувствовал себя неприкрытым.

-В каком-то смысле, да, - прокашлялся Арнольд, внезапно заинтересовавшись узором на столешнице.

-И кому я понадобилась? - ее голос стал тише.

-Архиепископу, - без обиняков сказал я, считая, что лучше говорить правду, пусть и горькую.

-Зачем? - в ее голосе прозвучала тревога, и она инстинктивно обхватила себя за плечи, как будто замерзла.

-Понятия не имеем, - пожал плечами Арнольд, разводя руками. - Нам не докладывают. Мы просто исполнители.

-Но я не хочу к этому человеку! - воскликнула она, и в ее глазах вспыхнул огонь. - Информация, которую вложили в меня зууары, говорит, что он фанатик! Что его ритуалы связаны с болью и страданием!

Ее слова отозвались во мне странным эхом, подтверждая мои самые мрачные догадки. Я и сам не испытывал ни ма-

лейшего желания отдавать ее, и это чувство росло с каждой секундой, проведенной рядом.

-А зачем твоим сородичам понадобилось тащить сюда девушку? - с внезапной подозрительностью спросил Арнольд, уставившись на меня. - И с чего это старому извращенцу понадобился такой «цветочек»? Тут что-то нечисто.

-Давайте обсудим это позже, - резко подвел я черту, вставая. Голова шла кругом от противоречивых мыслей и эмоций. - Ты допила? Пойдем, я покажу, где душ. Тебе нужно отдохнуть.

Ася кивнула и встала, поставив пустую кружку. Мы направились к душевой. Она шла впереди, и я не мог оторвать глаз от гибкой линии ее спины, от плавного, почти танцующего движения бедер под тканью комбинезона. Каждый ее шаг был музыкой, от которой закипала кровь. Она была прекрасна, как редкий, дикий цветок, случайно выросший среди металла и проводов. И мы должны были отдать ее. Мысль казалась невыносимой, абсурдной, как предательство.

Я открыл дверь в душевую, и внутри пахло запахом влажности и моющего средства.

-Заходи. Видишь панель? Красная кнопка - горячая вода, черная - холодная. Не перепутай.

-Это я понимаю, - улыбнулась она, и в уголках ее глаз собрались лучики морщинок. - У нас так же. Цивилизация, знаешь ли, и у нас кое-чего достигла.

-И не больше десяти минут, - предупредил я, стараясь го-

ворить строго. - Лимит воды. Корабль не бездонный.

-Поняла. Слушаюсь, капитан! - ее улыбка стала лукавой, дерзкой, и в ее глазах заплясали озорные искорки.

И почему-то в ее устах это прозвучало не как подчинение, а как дерзкий вызов, как тайный намек на какую-то другую, интимную игру. И мысль о том, в каких еще ситуациях она могла бы это сказать, пришла в голову сама собой, яркая и нежеланная. Черт возьми! Мои пальцы сжались в кулаки.

-Иди, - сказал я, отводя взгляд в сторону, в тень коридора. - Я подожду здесь. Если что, зови. Не запирайся на замок.

Она кивнула и скрылась за дверью, и щелчок замка прозвучал как приговор. Вскоре ко мне присоединился Арнольд, прислонившись к противоположной стене.

-Моется? - ухмыльнулся он, сложив руки на груди.

-Да, - ответил я коротко, прислушиваясь к шуму воды, который доносился из-за двери.

-Может, присоединимся? - он сделал вид, что пытается заглянуть в щель между дверью и косяком. - Экономия воды, все дела.

-Ты совсем рехнулся? - я оттолкнул его от двери, и мое движение было резким, злым. - Девушка едва очнулась после гибернации, а ты со своими грязными фантазиями!

-Ладно, ладно, шучу, - он отступил, поднимая руки в знак мира. - Но признай, она тебя цепляет. Сильно цепляет. Я вижу.

-Есть такое, - не стал отрицать я, глядя на запотевшую

дверь. - Но она - задание. Мы обязаны выполнить договор. И, кстати, по твоей вине мы ввязались в эту историю.

-Хватит уже это повторять, как заевшую пластинку! - лицо Арнольда помрачнело, веселье с него слетело, как маска. - Думаешь, он не нашел бы других подрядчиков? Мы просто оказались под рукой. А другие, неизвестно, как бы с ней обошлись в пути. Могли бы и не так бережно.

-Мы тоже не ангелы, - мрачно заметил я, чувствуя тяжесть на душе. - Вяжем ягненка на заклятие. И притворяемся, что не понимаем этого.

-Мы не отдадим ее, - неожиданно серьезно, почти выдохнул Арнольд. Его глаза горели решимостью. - Я не позволю этому старому ублюдку трогать ее. Ни за что.

-Каким образом? - удивился я, хотя в глубине души тот же вопрос уже крутился у меня в голове. - Нарушим договор? Объявим войну Архиепископу и его культу? У нас одна древняя пушка.

-Придумаем что-нибудь, - упрямо ответил он, сжимая кулаки. - Сбежим. Спрячемся. Что угодно.

-И снова ввяжемся в неприятности, - я покачал головой, но в глубине души, к моему собственному ужасу, почувствовал странное, запретное облегчение. Значит, я не один в своем безумии.

Арнольд не успел ответить. Дверь душевой открылась, вырвавшись из облака пара, и вышла Ася. Влажные волосы темными прядями лежали на плечах, оставляя мокрые следы на

ткани. Она была закутана в большое, но все же недостаточное полотенце, а мокрый комбинезон был перекинут через руку.

-Готово! - объявила она, и ее лицо сияло свежестью и чистотой. - Ваш лимит не превысила.

И она сделала шаг. Неуверенный, поскользнувшийся на мокром полу.

И снова ее ноги, ослабленные гибернацией и горячей водой, подкосились. Она не упала, нет. Она рухнула прямо в наши распахнутые, ждущие объятия. Мы оба, словно по команде, рванулись вперед, подхватывая ее. Комбинезон с глухим шлепком упал на пол. А полотенце, не удержавшись на ее влажной коже, соскользнуло, развернулось и упало, вновь открыв нашему взору ее обнаженное, сияющее каплями воды, дышащее жаром тело. Мы оба, словно по команде, резко, почти синхронно вдохнули, застыв на мгновение, и крепче, почти болезненно сжали ее в объятиях, чувствуя, как ее мокрая, горячая, невероятно живая кожа прижимается к нам, к нашей одежде, обжигая нас через ткань, стирая все мысли, все договоры, все разумные доводы.

Глава 6

Ася

Струи душа били по коже, смывая остатки анабиоза и сбивая мысли в клубок противоречий. Горячая вода обжигала, заставляя кровь быстрее бежать по венам, пробуждая каждую клеточку, и это было одновременно и болезненно, и блаженно. Столько всего случилось за эти сутки, что голова шла кругом, пытаясь ухватиться за обрывки воспоминаний: авария, боль, синий свет, а теперь - металлические стены чужого корабля и они. Эти двое... Они были слишком хороши, чтобы быть правдой, словно сошли со страниц какого-то фантастического романа. Арнольд - тот, что пошустрее и погорячее, с густыми темными волосами, падающими на лоб непослушными прядями, и глазами цвета расплавленного золота, в которых плясали чертики. Атлет, греческий бог, сошедший с обложки, каждое движение которого выдавало силу и уверенность. Я до сих пор чувствовала на коже жар его ладоней, их шершавую, грубоватую текстуру, и по телу снова побежали мурашки, уже не от воды, а от нахлынувших воспоминаний о его прикосновениях.

А Луар... Он был полной противоположностью - воплощением холодной, почти неземной красоты. Высокий, с плечами штангиста и резким, словно высеченным из мрамора профилем. Его кожа, гладкая и безупречная, отливала лег-

кой, едва уловимой голубизной, а волосы - белоснежные, густые, ниспадающие тяжелыми волнами почти до пояса - могли вызвать зависть любой женщины. В его спокойствии, в его взвешенных движениях, чувствовалась опасная, сдерживаемая сила, словно у хищника, затаившегося в засаде.

С сожалением я выключила воду, вспомнив о лимите, который мне установили. Вытерлась грубым, но впитывающим полотенцем и, подойдя к запотевшему зеркалу, провела по нему рукой, расчищая участок для отражения. И замерла, не в силах издать ни звука.

Из зеркала на меня смотрела незнакомка. В ней угадывались мои, Асины, черты, но доведенные до какого-то невероятного, безупречного идеала, отшлифованные неведомой рукой. Исчезла вечная, подростковая худоба, уступив место соблазнительным, плавным изгибам: упругим, округлым бедрам, тонкой, изящной талии и высокой, пышной груди, которая так привлекала взгляд Арнольда. Волосы, когда-то мышиного, невыразительного цвета, теперь сияли ярким, живым блондом с золотистыми бликами, будто в них застряли частички солнца. Лицо... черты стали утонченнее, аристократичнее, нос - более изящным и прямым, а губы - соблазнительно пухлыми, будто готовыми к поцелую. Одни только глаза остались моими - большими, ярко-голубыми, обрамленными густыми, темными ресницами. Теперь я понимала, что сводила их с ума не просто так, не только фактом своего внезапного появления. Зувуары не просто «вста-

вили» в меня артефакт - они пересобрали меня, как куклу, вылепили из глины новое тело, наделив его неестественной, почти болезненной привлекательностью.

Я простояла у зеркала добрых десять минут, водя пальцами по новым контурам своего лица, пытаюсь принять свое новое, чужое отражение. Это была я, и в то же время - не я. Пора выходить, Луар наверняка заждался, а стоять в промозглом коридоре ему вряд ли было приятно. Завернувшись в полотенце, с трудом прикрывавшее самое главное, и взяв в руки мокрый, неприятно холодящий комбинезон, я вышла. И тут же, едва сделав шаг, мокрые ступни поскользнулись на полированном, скользком полу. Я полетела вперед, прямоком в их ожидающие, как выяснилось, объятия.

Опять! Я что, нарочно падаю, чтобы привлечь их внимание? Но странное дело - в глубине души, в самой потаенной ее части, мне... нравилось это. Никогда в жизни меня не держали так крепко, с такой жаркой, почти животной силой, с таким немym восхищением. Да и держали-то меня до этого разве что врачи, да и то в сугубо практических целях.

- Ася, - с хрипотой, полной неподдельной страсти, прошептал у моего левого уха Арнольд, и его горячее дыхание обожгло кожу.

Его ладонь, широкая и твердая, скользила по моей мокрой спине, зажигая на своем пути крошечные звездочки, а с другой стороны то же самое, но с иной, прохладной нежностью проделывала твердая, уверенная рука Луара. Блондин мол-

ча, сдерживая дыхание, уткнулся лицом в мои влажные волосы, и я почувствовала, как напряглись, закаменели мышцы его рук - он изо всех сил пытался сдержаться, обуздать нахлынувшие чувства.

- Эй! Отпустите! - мой возглас прозвучал слабее, менее убедительно, чем я хотела, больше похоже на жалобу, чем на приказ.

- Сейчас... - горячо, прерывисто выдохнул Арнольд, и его губы, обжигаяще горячие, коснулись кожи у ключицы, собирая капли воды, и это прикосновение отозвалось глубоко внутри, заставив все тело сжаться в сладком предвкушении.

В тот же миг Луар, словно сорвавшись с цепи, поддавшись общему порыву, прикусил мочку моего уха, и острая, щемящая боль смешалась с непривычным наслаждением. Нет уж! Так дело не пойдет! Я резко, со всей силы рванулась, выскользнула из их объятий, почувствовав, как полотенце едва не соскочило, и, подхватив его, снова, уже дрожащими руками, обернула вокруг себя, создавая хоть какую-то защиту.

- Все, шоу окончено! - заявила я, стараясь говорить твердо, вкладывая в голос всю решимость, на которую была способна, хотя ноги все еще подрагивали.

Луар встряхнул головой, словно выныривая из глубокого, темного омута, его ледяные глаза были полны смятения. Арнольд просто закрыл лицо ладонью, его плечи вздымались от тяжелого, неровного дыхания, выдавая внутреннюю борьбу.

- Прости, Ася, - голос Луара был низким, сдержанным,

но в нем слышалось напряжение. - С нами творится нечто... неподобающее, выходящее за рамки приличий. Видимо, Арнольд прав - мы слишком долго были без женского общества. И твоя красота действует на нас как алкоголь.

- Луар скромничает, - глухо, сквозь пальцы проговорил Арнольд, не открывая лица. - Ты просто невероятна. Невозможно сохранять хладнокровие, когда на тебя смотрит такое совершенство. Особенно когда оно само, по собственной воле, падает в руки. Это выше наших сил.

- Постараюсь впредь не предоставлять таких возможностей, - сухо, с легкой насмешкой ответила я, чувствуя, как краска заливает щеки. - Если вы покажете, где я могу одеться и прийти в себя, буду признательна. Мне кажется, нам всем нужно немного остыть.

Пока они вели меня по узкому, слабо освещенному коридору, мне показалось, что их слегка пошатывает, будто они пьяны. Или это мне, еще не до конца пришедшей в себя, мерещилось? Но нет, их шаги были не такими уверенными, как раньше, а плечи чуть ссутулились.

- А ваш корабль... он сам управляется? - поинтересовалась я, чтобы разрядить напряженное, густое молчание, повисшее между нами.

- Полностью автоматизирован, - ответил Луар, и его голос снова обрел привычную ровность, словно он ухватился за эту техническую тему, как за спасательный круг. - Я задал курс на точку рандеву. Сирена оповестит, если что-то пойдет не

так или если нас попытаются атаковать.

- Не переживай, красавица, - Арнольд снова обрел дар речи, и в его голосе, хоть и с трудом, вернулись привычные нотки легкомыслия и бравады. - Мы долетим в полном порядке. Я лично оснастил этот корабль лучшим, что можно было достать на черном рынке трех секторов. Он видал виды, но еще ни разу нас не подвел.

Они ввели меня в небольшую, но на удивление уютную каюту. Помимо узкой, но выглядевшей удобной кровати, здесь был небольшой складной стол, одно кресло и встроенный в стену шкаф с матовой дверцей.

- Это твоя каюта, - сказал Луар, останавливаясь на пороге. - Пока ты с нами. Здесь есть все необходимое. Зеркало в шкафу, если захочешь еще раз себя рассмотреть, и чистая одежда на полках - подберешь что-то по размеру.

- Отдохни, - мягко, почти по-отечески добавил Арнольд. - Приди в себя. Позовем, когда будет ужин. Постараемся найти что-то повкуснее сублиматов.

- Приятного отдыха, - коротко, отрывисто бросил Луар и, взяв Арнольда за локоть, буквально вытащил его из каюты, притворив за собой дверь с тихим щелчком.

Я тяжело, как мешок, опустилась на прохладное покрывало кровати. Почему Луар вдруг стал таким холодным и отстраненным? Неужели я его чем-то задела своим сопротивлением? Или причина была в чем-то другом, более глубокой, в той внутренней борьбе, которую он так яростно пытался

скрыть?

Откинувшись на спину, я уставилась в матовый потолок, откуда лился мягкий, приглушенный свет. Что ждет меня впереди? Куда мы летим? В памяти снова, словно навязчивый кошмар, всплыл образ Архиепископа, вложенный звууарами, - худое, аскетичное лицо, горящие фанатичным огнем глаза. Сомневаюсь, что его планы на меня столь же невинны, как у моих провожатых. Скорее всего, они куда более мрачны и опасны.

Мысли невольно поплыли к Земле, к дому, к той жизни, что осталась позади. Но воспоминания были обрывочными, как старые, выцветшие фотографии, лица родных - размытыми, нечеткими. Значит, звууары все же покопались в моей голове основательнее, чем я просила, приглушив остроту потерь. Наверное, так и правда лучше, иначе я бы просто сошла с ума от тоски. Острой, режущей боли по дому я не чувствовала, лишь глухую, фоновую печаль, как заживающую, но все еще ноющую рану.

И снова, по замкнутому кругу, мысли вернулись к ним. К этим двум таким разным мужчинам, в чьих руках сейчас находится моя судьба. Арнольд - милый, простодушный, но слишком импульсивный и прямой, как удар кулаком. Луар - сдержанный, закрытый, пытающийся казаться ледяной глыбой, но в чьих глазах я успела мельком увидеть бурю. Но какие у него руки... сильные, уверенные, и этот запах, что исходил от него - морозной свежести, хвойного леса и чего-то

дикого, неизвестного...

Не могу врать себе, притворяться равнодушной - они оба мне нравятся. Каждый по-своему, каждый затрагивает какие-то разные струны в моей душе. Но все это, все эти зарождающиеся чувства, бессмысленны и обречены. Совсем скоро, через несколько дней, я исчезну из их жизни, став всего лишь мимолетным, странным эпизодом, историей, которую они, возможно, будут рассказывать за кружкой какого-нибудь инопланетного пойла. А что ждет меня дальше, за порогом их корабля? Останусь ли я вообще в живых, выполнив свою загадочную миссию? Кто знает, что задумал этот Архиепископ, и какую роль в его планах отвели перекроенной зувуарами девушке из другого мира.

Глава 7

Арнольд

Внутри у меня все еще бушевало, как в реакторе корабля при форсаже. Каждое воспоминание о ее теле, о том, как она вышла из душа, мокрая, сияющая и почти обнаженная, заставляло кровь приливать к вискам и пульсировать в самых потаенных уголках сознания. Луар, конечно, тоже попал под ее чары - я видел, как темнели его обычно спокойные, ледяные глаза, когда он на нее смотрел, как сжимались его челюсти, выдавая внутреннюю борьбу. Мы оставили Асю в его бывшей, а теперь ее каюте и молча сидели в столовой над остывшим чаем, который стоял нетронутый, как памятник нашему общему смятению.

- Не стоит быть с ней так сурово, - нарушил я наконец гнетущее молчание, ворочая тяжелую кружку в руках. - Девушка напугана, одинока и заброшена в совершенно незнакомый мир. Ей нужна поддержка, человеческое участие, а не твоя зуварская холодность и отстраненность.

- Я прекрасно вижу, в чем заключается твоя «поддержка», - усмехнулся Луар, отпивая из чашки маленький, почти церемонный глоток. - И где она может привести. Нам скоро придется ее отдать, Арнольд. Это не обсуждается.

- А может, не отдадим? - бросил я, и слова сорвались с губами, прежде чем мозг успел их проанализировать. - Может,

найдем другой выход?

- И что тогда? - его взгляд стал жестким, как титановая броня. - Бежать не только от федералов, которые и так нас ищут, но и от всего ордена Архиепископа, от его фанатиков-убийц? Мы дали слово. Договор есть договор.

- Я не могу с этим смириться, - упрямо пробормотал я, уставившись в темную жидкость в своей кружке. - Не могу просто так отдать ее, словно вещь.

- Твое дело, - он отмахнулся, словно смахивая невидимую пылинку с рукава. - Но меня в это безумие не втягивай. У меня нет желания закончить свои дни в подвалах его дворца.

- Но она и тебе нравится, - не удержался я, желая задеть его, вывести из равновесия, найти слабое место в его броне. - Я вижу, как ты на нее смотришь. Ты не из железа, как ни стараешься казаться.

- Признаю, в ней есть определенная... притягательность, - кивнул Луар, и его признание прозвучало с трудом, будто он выдавливал его из себя. - Но репутация и данное слово для меня все еще важнее сиюминутных порывов.

- Ты слышишь себя? - я фыркнул, отодвигая от себя кружку. - Какая еще репутация? Мы же контрабандисты, Луар! Нас везде в розыске, у нас нет репутации, у нас есть только скорость и умение удирать!

- Все! - он резко встал, и его стул с грохотом отъехал назад. - Спор окончен. Девушка будет доставлена заказчику в

целости и сохранности. Пойду на связь, доложу Архиепископу о статусе миссии и нашем местоположении.

- Как знаешь, - я остался сидеть, чувствуя, как ярость и бессилие сжимают горло. - Но я своего мнения не меняю. Ни за что.

Луар ушел, а я решил, что сидеть сложа руки - не в моих правилах. Я должен сделать для Аси что-то приятное, пусть маленькое, но значимое. Пока он разговаривает с этим старым гиком, я найду способ ее порадовать. Я порылся в своих личных, припрятанных запасах - нашел тонко нарезанное вяленое мясо с планеты Агата, славившееся своим вкусом, баночку хрустящих маринованных овощей со станции «Вертукас-5» и даже достал из репликатора свежий, еще теплый хлеб, пахнувший дрожжами и солодом. Разложил все это на самой красивой тарелке, которую нашел, как в дорогом ресторане, добавил пару веточек искусственной зелени для красоты. Пусть почувствует хоть каплю заботы, хоть намек на нормальную жизнь в этом безумном путешествии.

Пока готовил, в голове, вопреки всякой логике, крутились самые безумные планы. Забрать ее обратно уже после передачи. Проследить за кораблем Архиепископа, проникнуть в его укрепленный дворец под видом слуги или торговца... Если Луар не поможет, не захочет рисковать, я справлюсь один. У меня есть кое-какие сбережения, можно снять небольшой, но быстрый челнок, затеряться на самых дальних, богом забытых окраинах.

Летать с ней на мелкие, но честные заказы, делиться с ней видами космоса, показывать туманности и звездные скопления, о которых она, наверное, только читала в книгах...

Воображение нарисовало яркую, почти осязаемую картину: мы стоим у огромного иллюминатора в командной рубке, я обнимаю ее за талию, чувствуя под ладонью тепло ее тела через тонкую ткань комбинезона, а она, прижавшись ко мне, смотрит на проносящийся мимо разноцветный шлейф газопылевого облака... Я с силой тряхнул головой, словно пытаюсь отогнать навязчивый, опасный образ. Подождав еще около часа, чтобы дать ей отдохнуть, я собрал поднос и направился к ее каюте, стараясь идти как можно тише.

Дверь, к моему удивлению, была не заперта. Я тихо вошел и замер на пороге, затаив дыхание. Она спала. Лучи искусственного света, имитирующие лунный, падали на ее лицо, делая кожу фарфоровой, почти прозрачной. Губы были открыты, а грудь мерно, безмятежно поднималась в такт дыханию. Это зрелище, эта картина безмятежной красоты, перехватило у меня дыхание и сжало сердце в груди.

Я поставил поднос на небольшой складной стол, стараясь не производить ни звука, и тихо, на цыпочках, подошел к кровати, опустившись на самый ее край. Не в силах оторвать взгляд от ее спящего лица, я медленно протянул руку, чтобы коснуться ее щеки, почувствовать шелк ее кожи, но остановился в сантиметре, боясь разбудить, разрушить этот миг. Внутри все сжалось от странной, болезненной и сладкой од-

новременно нежности. Эта девушка, этот «груз», этот живой артефакт, пробудила во мне что-то давно забытое, что-то, что я давно в себе не признавал и тщательно подавлял.

Внезапно она пошевелилась, ее брови слегка сдвинулись, и глаза открылись. Увидев меня так близко, склонившегося над ней, она вздрогнула, и в ее взгляде, еще сонном, мелькнул испуг и недоумение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.